

Борис Калошин

С КОДОМ ПО ЖИЗНИ

Борис Калошин

С кодом по жизни

<https://litres.ru/73434223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смоленск, 2035 год. Здесь будущее наступило, но принесло не стеклянные небоскребы, а ржавчину, синтетическую еду и безнадежность. Четырнадцатилетний Григорий Граф — больной и замкнутый подросток, запертый в бетонной коробке района Поповка. Но у него есть тайна, которая опаснее любого оружия: он видит мир как поток сырых данных. Для него реальность — это операционная система, которую можно взломать.

Погоня за спасением приводит Григория на турнир «World Root», где призом становится доступ к исходному коду мироздания. Но обретение божественной силы оборачивается трагедией. Его единственный соперник, Лиам Капот, выбирает путь превосходства, превращаясь в цифрового монстра, жаждущего абсолютной власти.

Спустя годы изгнания и скитаний, повзрослевший Григорий возвращается домой, чтобы дать последний бой. В 2046 году на руинах старой ТЭЦ решится судьба человечества. Что победит: холодное совершенство машины или хаос живой природы?

Борис Калошин

С кодом по жизни

Глава 1. Исходный код

Смоленск 2035 года не жил – он медленно переваривал сам себя. Над районом Поповка, где в обшарпанной девятиэтажке ютилась семья Граф, небо всегда имело цвет застиранной, грязной простыни. Здесь наука не возвела стеклянные шпили и не подарила людям вечную молодость. Напротив, технологический прогресс, споткнувшийся о бесконечные политические гонки и локальные войны за ресурсы, оставил после себя лишь ржавое эхо. Высокие технологии здесь проявлялись разве что в виде мерцающих рекламных голограмм на облупившихся фасадах, предлагавших кредиты, которые невозможно выплатить, и синтетическую еду, которую невозможно переварить.

Четырнадцатилетний Григорий стоял у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Стекло вибрировало от бесконечного гула тяжелых грузовиков, идущих по объездной трассе. В свои годы он выглядел старше и одновременно болезненнее сверстников: острые скулы, бледная, почти прозрачная кожа и глаза цвета грозового неба, в которых застыла не по-детски тяжелая усталость. У Георгия не было друзей. В мире, где каждый подросток грезил о новом нейроинтерфейсе или хотя бы о подержанном игровом модуле, он был аут-

сайдером. Но при этом он обладал превосходной памятью и имел аналитический склад ума. В его жизни не было места игрушкам или ярким впечатлениям. Его реальностью были сорок квадратных метров съемной квартиры, где обои отклеивались от сырости, обнажая серый, покрытый грибком бетон, похожий на кожу мертвеца.

В комнате пахло старой медью и вареной капустой – неизменным ароматом их быта. Его отец, Виктор, вернулся со смены на подшипниковом заводе час назад. Григорий слышал его тяжелые, шаркающие шаги в коридоре. Виктор был человеком-механизмом: за тридцать лет у станка он сам стал частью конвейера. Его руки, покрытые въевшимся мазутом, который не брало ни одно мыло, дрожали, когда он открывал банку дешевого синтетического пива. Он почти не разговаривал с сыном, лишь изредка бросая тяжелые, как чугунные болванки, фразы о том, что нужно «знать свое место» и «не высовываться».

Мать Георгия, Елена, работала уборщицей в районной поликлинике. Она была тихой женщиной с вечно красными, разъеденными дезинфицирующими растворами руками. Она была тем звеном, которое еще удерживало их семью от окончательного падения в бездну нищеты, но цена этой стабильности была написана на её лице – в глубоких морщинах и потухшем взгляде. Все деньги, которые они зарабатывали, уходили на оплату аренды «муниципального жилья» и скудную еду. В 2035 году социальное расслоение достигло свое-

го апогея: пока в Москве элиты тестировали квантовое бессмертие, в Смоленске люди боролись за право на лишний час электроэнергии.

Григорий ненавидел эту несправедливость. Он ненавидел новости по старому головизору, где лощенные дикторы рассуждали о «величии нации», пока его мать плакала по ночам из-за сломанного сапога. В его душе рос холодный, расчетливый гнев. Он видел, как мир катится в пропасть, как нацизм, прикрытый новыми лозунгами, снова поднимает голову в соседних странах, как политики играют жизнями миллионов, будто шахматными фигурами. Будучи по натуре добрым и воспитанным мальчиком, он остро чувствовал каждое проявление злобы вокруг. Он не ввязывался в драки, не хулиганил – он просто фиксировал всё это в своей памяти, словно на жесткий диск, мечтая о дне, когда он сможет изменить правила этой игры.

Тот вечер ничем не отличался от сотен других, пока не пришло время выносить мусор.

– Гриша, сходи к бакам, – глухо позвала мать из кухни. – И застегнись, на улице опять кислотный дождь обещали.

Григорий натянул старую куртку, которая была ему коротка в рукавах, и вышел в подъезд. Лифт, разумеется, не работал – его шахта давно превратилась в свалку. Мальчик спускался по темной лестнице, прислушиваясь к звукам чужих жизней за закрытыми дверями: где-то кричали, где-то надрывно кашляли, где-то гремела дешевая музыка.

На улице было зябко. Серая взвесь висела в воздухе, заставляя глаза слезиться. Фонарь над мусорными контейнерами мигал, издавая противный высокочастотный писк. Григорий бросил пакет в бак и уже собирался уходить, когда его взгляд зацепился за странный предмет, лежащий на куче мокрого картона.

Это был чехол. Старый, потертый, покрытый слоем строительной пыли, но явно сделанный из качественного полимера. Григорий замер. Его сердце, обычно спокойное, вдруг пропустило удар. Он огляделся – двор был пуст, лишь бродячая собака с облезлым боком копалась в отходах неподалеку. Мальчик подошел ближе и протянул руку.

Внутри чехла оказался ноутбук. Тяжелый, угловатый, с корпусом из магниевого сплава. На крышке была глубокая царапина, но в остальном он выглядел целым. Это не была современная тонкая «стекляшка», работающая на облачных вычислениях. Это был зверь из прошлого – автономная машина с физическими портами и реальным накопителем. Григорий прижал его к груди, чувствуя холод металла сквозь куртку. В этот момент он не думал о том, чей это компьютер или почему его выкинули. Он просто знал, что это – его единственный шанс.

– Ты мой, – прошептал он, и его голос потонул в гуле проезжающего мимо грузовика.

Он почти бежал обратно. В своей камерке – закутке за шкафом, который он гордо называл комнатой – Григорий по-

ложил находку на стол. Его руки дрожали. Он взял старую футболку и начал бережно стирать пыль с корпуса. Оказалось, что ноутбук принадлежал какой-то старой корпорации, логотип которой был стерт.

Мальчик нашел универсальный блок питания, который когда-то подобрал на задворках ремонтной мастерской. Штекер вошел в гнездо с тихим щелчком. Григорий затаил дыхание и нажал кнопку включения.

Сначала тишина. Затем – натужный вой кулера, пытающегося провернуться сквозь залежи пыли. И вдруг – вспышка. Матовый экран мигнул серым, по нему побежали строки загрузки биоса, и через мгновение комнату залило мертвенно-голубым светом.

Ноутбук работал. Он был старым, медленным по меркам 2035 года, но он был живым. И, что самое важное, на нем не было пароля. Видимо, старый владелец считал его окончательно сдохшим и не позаботился об удалении данных.

Григорий кликнул по значку проводника. Он ожидал увидеть семейные фото или скучные отчеты, но его глаза расширились, когда он увидел названия папок. `Programming_Base`, `Network_Security`, `Hidden_Files`, `Cryp_Shit`.

Интернета в их доме не было уже пять лет – родители не могли позволить себе такую роскошь. Но на этом жестком диске хранилась целая библиотека. Тысячи файлов, видеокурсов, программных кодов и текстовых документов. Это был клад. Цифровая библиотека Александрии, случай-

но найденная в смоленской грязи.

В ту ночь Григорий Граф не лег спать. Он сидел перед мерцающим экраном, а его пальцы впервые коснулись клавиш, которые вскоре изменят судьбу целой планеты. Он еще не знал, что в скрытых секторах этого диска спрятан код, способный взламывать не только серверы, но и саму реальность. Он просто читал первую страницу учебника по Python, и его мир, до этого ограниченный стенами нищеты, начал стремительно расширяться.

Он нашел папку `RESERVE_ARCHIVE`. В ней лежал текстовый файл с датой «2029». Он открыл его и прочитал первые строки: «Если ты читаешь это, значит, мир всё еще в дерьме. Давай попробуем это исправить».

Григорий сглотнул ком в горле. Впервые в жизни он почувствовал, что он не один.

Первые лучи холодного смоленского солнца пробились сквозь мутное стекло, когда Григорий закрыл последнюю вкладку локального справочника по сетевым протоколам. Его глаза горели от напряжения, а в висках пульсировала монотонная боль, но разум пребывал в состоянии странной, почти наркотической эйфории. За одну ночь он узнал о мире больше, чем за все восемь лет сидения за школьной партой. Ноутбук оказался не просто старым железом; это был автономный учебный комбинат, заботливо укомплектованный кем-то, кто явно готовился к глобальному цифровому коллапсу.

На жестком диске были не просто текстовые файлы. Там хранились целые виртуальные слепки операционных систем, симуляторы сетей и, что самое ценное, пошаговые курсы по информационной безопасности, написанные живым, даже дерзким языком. Григорий чувствовал себя археологом, который нашел пульт управления цивилизацией.

— Гриша, ты встал? — голос матери из-за шкафа прозвучал как помеха в чистом сигнале. — Завтрак на столе. Опять всю ночь читал что-то? Глаза совсем красные.

Григорий быстро захлопнул крышку ноутбука и спрятал его под кровать, накрыв старой курткой.

— Да, мам, уже иду, — отозвался он, стараясь придать голосу будничность.

На кухне было зябко. Отец уже ушел на смену, оставив после себя запах перегара и тяжелую ауру невысказанного недовольства. На столе дымилась тарелка водянистой овсянки. Елена сидела напротив, медленно размешивая сахар в пустом чае.

— Учись хорошо, сынок, — тихо сказала она. — Только знания выведут тебя из этого ада. Видишь, отец... он совсем сдает. Завод выжимает из него последние соки. Нам бы только колледж твой потянуть.

Григорий смотрел в тарелку, и ком в горле мешал глотать. Он хотел рассказать ей о находке, о том, что на жестком диске есть программы, которые стоят целое состояние. Но он знал: мать испугается. Она увидит в этом не шанс, а угрозу.

В мире 2035 года любая несанкционированная электроника могла стать поводом для визита муниципальной службы контроля. Бедным не полагалось владеть мощными инструментами.

Школа в тот день казалась Григорию декорацией из дешевого исторического фильма. Учительница информатики, усталая женщина в поношенном костюме, объясняла классу устройство простейших алгоритмов на примере бумажных карточек. Класс зевал. Те, у кого были деньги, играли под партами в примитивные голо-игры на своих дешевых смартфонах. Григорий сидел на задней парте, глядя в окно, и прокручивал в голове структуру ТСП/IP стека. Он понимал, что эта школа не даст ему ничего. Она лишь готовила их к тому, чтобы стать чуть более квалифицированным придатком к станку или швабре.

С того дня жизнь Георгия превратилась в двойную игру. Он начал прогуливать уроки, но не ради безделья. Он уходил в заброшенный парк аттракционов – место, которое в 2035 году стало зоной отчуждения. Среди ржавых остовов каруселей и гнилых деревянных киосков он нашел укромный уголок в будке бывшего оператора «Колеса обозрения». Там, укрывшись от ветра и чужих глаз, он открывал свой ноутбук.

Отсутствие интернета не мешало ему. На диске были терабайты данных. Он начал с Python – чистого, элегантного языка, который казался ему поэзией. Затем перешел к C+

+ и ассемблеру. Его мозг, лишенный ранее любой интеллектуальной пищи, впитывал информацию с пугающей скоростью. Он не просто учил синтаксис, он учился чувствовать «железо».

Через три месяца он нашел ту самую папку – Shadow_Protocols. Она была скрыта под тройным слоем шифрования. Григорий потратил две недели, подбирая ключи по подсказкам, оставленным в текстовых заметках прежнего владельца. Когда папка открылась, у него перехватило дыхание. Это были инструменты хакерства. Программы для перехвата пакетов, эксплойты для уязвимостей в государственных системах контроля, методы скрытого проникновения в закрытые сети.

Это было опасно. Это было незаконно. Но это было упорно.

– Значит, вот как вы на самом деле держите нас в узде, – прошептал Григорий, изучая код системы «Городской Щит», которая управляла камерами и датчиками в Смоленске.

Однако его затворничество не осталось незамеченным дома. Отец, чей характер с каждым месяцем становился всё более непредсказуемым из-за хронической усталости и дешевого алкоголя, начал что-то подозревать. Однажды Григорий вернулся домой позже обычного, пахнувший сыростью и ржавчиной заброшенного парка.

Виктор сидел в прихожей, его глаза были налиты кровью.
– Где был? – глухо спросил он.

– В библиотеке, папа. Готовился к олимпиаде по математике.

Отец медленно поднялся. Его огромная фигура загородила свет тусклой лампочки.

– В библиотеке, значит? А мне сосед сказал, видел тебя в старом парке. С какой-то сумкой. Ты что, клей нюхаешь там? Или воруешь?

– Нет, папа, я...

Виктор не дослушал. Он грубо схватил рюкзак Георгия и вытряхнул содержимое на пол. Учебники, тетради и... ноутбук. Тяжелый магниевый корпус с глухим стуком упал на линолеум. В комнате повисла мертвая тишина.

– Это что такое? – прошипел отец. Его лицо исказилось от смеси гнева и страха. – Ты где это взял, щенок? Украл? Ты понимаешь, что за это сделают с нами? Нас выкинут на улицу через час, если патруль увидит это!

– Я нашел его! На мусорке! Он был выкинут! – закричал Григорий, пытаясь поднять ноутбук.

– Врешь! – Виктор замахнулся и ударил сына наотмашь. Григорий отлетел к стене, больно ударившись плечом, но в глазах его не было слез – только холодная ярость. – Я эту дрянь разобью. Мы не воры. Мы честные люди, мы горбачимся за каждую копейку!

Отец схватил ноутбук и занес его над полом, намереваясь разбить. В этот момент Григорий осознал: если он потеряет эту машину, он навсегда останется в этой серой девятиэтаж-

ке. Он навсегда останется Григорием, чья судьба – стать тенью своего отца.

– Не смей! – Григорий бросился вперед, вцепившись в руку отца. – Там знания, папа! Там то, что поможет нам выбраться! Я уже могу писать коды, которые стоят больше, чем твоя зарплата за год! Пожалуйста!

Виктор замер. Он посмотрел на сына – не на ребенка, а на человека, в глазах которого горел огонь, которого сам Виктор лишился много лет назад. На какой-то миг гнев сменился замешательством. Он медленно опустил руки и швырнул ноутбук на диван.

– Если я хоть раз увижу, что ты не в школе... если из-за этой железки у нас будут проблемы... я её сожгу вместе с твоими книгами. Уходи с глаз моих.

Григорий схватил ноутбук и заперся в своей каморке. Его трясло. На щеке надувался багровый след от удара, но он не обращал на него внимания. Он включил компьютер. Проверил – диск не посыпался, экран цел.

«Они боятся, – понял он. – Они все боятся того, чего не понимают. Но я больше не буду бояться».

Он открыл новый файл в текстовом редакторе и начал писать свой первый самостоятельный скрипт. Это был простой переборщик паролей для локальных Wi-Fi точек, но для Григория это был манифест свободы. Он понял, что его воспитание, его доброта и ненависть к несправедливости теперь имеют инструмент для реализации.

Он закончил школу с неплохими оценками – он взломал школьный сервер и подправил ведомости за последние две четверти, чтобы не вызывать лишних подозрений частыми прогулами. Преподаватели только удивлялись, как этот молчаливый мальчик умудряется сдавать тесты на высший балл, почти не появляясь на уроках.

Впереди был бюджетный колледж информатики. Григорий знал: там его не научат ничему новому, но это был легальный способ получить диплом и уехать из Смоленска. В его рюкзаке, надежно спрятанный, лежал ноутбук, ставший его душой.

На дворе стоял 2039 год. Мир готовился к новым потрясениям, а в провинциальном колледже на первом курсе появился студент, который уже знал о системах безопасности больше, чем его будущие профессора.

Сентябрь 2039 года в Смоленске выдался аномально жарким. Бюджетный колледж информатики и вычислительной техники представлял собой унылое четырехэтажное здание из серого кирпича, по фасаду которого расплзались ржавые потеки от старых кондиционеров. Внутри пахло хлоркой, дешевым табаком и перегретыми системными блоками эпохи «докризисного» затишья.

Для Григория это место стало добровольной ссылкой. Он пришел сюда не за знаниями – всё, что могли предложить местные учебные планы, он переварил и выплюнул еще год назад в своей каморке за шкафом. Ему нужен был диплом,

эта официальная гербовая бумага, которая служила бы пропуском в мир, где не нужно считать копейки на хлеб.

На первой же лекции по архитектуре ЭВМ Григорий понял, в какой цирк он попал. Седой профессор Самойлов, чьи пиджаки, казалось, помнили еще первый запуск Windows, с придыханием рассказывал об устройстве кэш-памяти процессоров десятилетней давности.

– Григорий, вы не ведете конспект, – Самойлов поверх очков строго взглянул на юношу, сидевшего на задней парте. – Вам кажется, что основы архитектуры фон Неймана ниже вашего достоинства?

Григорий медленно поднял глаза от экрана своего старого ноутбука, который он теперь не выпускал из рук.

– Профессор, архитектура фон Неймана – это база, – тихо, но четко произнес он. – Но вы сейчас описываете методы защиты кольцевого буфера, которые были признаны уязвимыми для атак типа «спекулятивного выполнения» еще пять лет назад. В современных системах, которые используются в Москве или за рубежом, этот протокол заменен на аппаратную изоляцию векторов.

В аудитории повисла мертвая тишина. Студенты, еще вчера мечтавшие просто «научиться переустанавливать винду», обернулись к нему. Самойлов покраснел, его кадык дернулся.

– Молодой человек, если вы считаете себя умнее составителей государственной программы...

– Я просто читаю документацию к реальному железу, а не учебники 2028 года, – Григорий не хотел грубить, он лишь констатировал факт, но для Самойлова это был вызов.

С этого дня Григорий стал местной достопримечательностью и одновременно изгоем среди преподавателей. Он исправно посещал пары, впитывая каждое слово – не ради учебы, а чтобы понять, насколько глубоко заблуждаются те, кто стоит у руля системы. Он видел в этом закономерность: мир деградировал не из-за отсутствия технологий, а из-за того, что знания стали кастовыми. Верхушка владела квантовыми алгоритмами, а низам скармливали обьедки прошлого.

Однако среди студентов нашелся человек, который не побоялся его «странности».

Ася сидела за соседним столом на лекциях по дискретной математике. У неё были непокорные рыжие волосы, вечно испачканные чернилами пальцы и глаза, в которых прыгали искорки неукротимого любопытства. В отличие от большинства, она не просто хотела «корочку», она искренне любила логику.

– Ты ведь взломал сеть колледжа в первый же день, да? – прошептала она, придвигаясь к нему во время скучного семинара.

Григорий вздрогнул. Он действительно сделал это, просто чтобы проверить настройки фаервола, который оказался дырявым, как решето.

– Откуда ты знаешь?

– Админ в серверной вчера орал, что у него логи забиты «призрачными» запросами, которые приходят из пустой аудитории, – она хихикнула. – Я – Ася. И я знаю, что ты – Эникей. Так тебя прозвали старшекурсники.

Эникей. Имя приклеилось к нему мгновенно. «Press any key» – нажми любую клавишу. Для окружающих он был тем, кто может решить любую проблему с техникой одним касанием, магическим образом оживляя мертвые принтеры и зависшие серверы.

Их отношения развивались стремительно и странно. Они гуляли по вечернему Смоленску, мимо обшарпанных памятников и неоновых вывесок ломбардов. Ася рассказывала о своих мечтах – создать ИИ, который будет помогать врачам диагностировать болезни на ранних стадиях. Григорий слушал её, и внутри него боролись две силы. Его воспитание и врожденная доброта хотели верить в её светлое будущее, но знания, полученные из «Shadow_Protocols», твердили: этот мир не хочет, чтобы его лечили. Этот мир хочет, чтобы его контролировали.

– Гриш, ты слишком серьезный, – Ася однажды взяла его за руку, когда они стояли на мосту. – Ты смотришь на город так, будто хочешь его перепрограммировать.

– Я просто вижу ошибки в коде, Ась, – ответил он, сжимая её ладонь. – Повсюду. В распределении света, в работе светофоров, в том, как люди распределяют свои жизни. Это всё... неэффективно. И несправедливо.

Она не знала, что по ночам, когда она засыпала в своей комнате в общежитии, Григорий возвращался к своему ноутбуку. Он нашел новые файлы на диске. Это были скрытые архивы хакерства, касающиеся «манипуляции социальными графами». Он изучал, как с помощью нескольких ботов и правильно вброшенной информации можно изменить настроение в целом районе. Это пугало и завораживало одновременно.

Колледж он закончил экстерном. Преподаватели были рады избавиться от студента, который знал предмет лучше их самих, и с удовольствием поставили ему высшие баллы, лишь бы он перестал задавать неудобные вопросы на экзаменах.

Первая работа нашлась быстро. Небольшая организация «ИнфоТехСтрой» занималась обслуживанием муниципальных систем безопасности. Григория взяли на должность младшего сисадмина, но уже через неделю он фактически возглавил отдел. Он писал коды для приложений, которые автоматизировали отчетность, латал дыры в безопасности, через которые раньше утекали бюджетные деньги, и был, по сути, идеальным сотрудником. Он не требовал повышения зарплаты, он просто работал, помогая родителям сводить концы с концами. Отец, видя, что сын приносит домой реальные деньги, наконец успокоился, хотя всё еще с опаской поглядывал на его ноутбук.

Но идиллия длилась недолго. Через год в «ИнфоТех-

Строе» сменилось руководство. Новый директор, племянник какого-то высокопоставленного чиновника, привел свою команду «эффективных менеджеров».

– Слушай, Граф, – сказал ему новый начальник отдела, молодой человек в костюме, который стоил как десять зарплат Григория. – Ты хороший кодер, но у нас тут реструктуризация. Нам нужны люди с дипломами ведущих вузов, с «правильными» связями. А ты... ты просто парень из колледжа. К тому же, ты слишком много лезешь в протоколы безопасности, которые тебя не касаются. Нам не нужны «слишком умные». Нам нужны лояльные.

Его уволили в тот же день. Весь персонал, который реально тянул работу, заменили на «своих» – людей, которые не знали разницы между сервером и роутером, но умели красиво улыбаться на совещаниях.

Григорий снова оказался на улице. Он пытался найти работу в Смоленске, но город оказался тесным. Его фамилия попала в негласный «черный список» за то, что он когда-то отказался закрыть глаза на финансовую дыру в муниципальном софте.

Ася тоже не выдержала. Она уехала в Москву, надеясь пробиться в крупную лабораторию. Они созванивались, но разговоры становились всё короче.

– Гриша, ты сидишь в четырех стенах, ты зарастаешь этим своим кодом! – кричала она в трубку. – Приезжай ко мне, попробуй найти что-то здесь!

– Меня никто не ждет в Москве без высшего образования, Ась. Я для них – мусор из провинции.

Он впал в депрессию. Единственным его утешением оставался ноутбук. От скуки и тоски он начал вскрывать закрытые базы данных местных чиновников, просто чтобы посмотреть, на что они тратят украденные деньги. Это было опасное хобби, которое могло привести его в тюрьму, но ему было уже плевать.

И вот, в один из знойных июльских дней, когда Григорий сидел на кухне, тупо глядя на пустую чашку, его старый смартфон завибрировал.

– Алло? – голос его был хриплым.

– Григорий Граф? – голос на другом конце был сухим, деловым и странно знакомым, словно синтезированным нейросетью. – Мы наблюдали за вашими правками в ядре безопасности «ИнфоТехСтроя». Очень... изящная работа для человека без образования.

– Кто вы? – Григорий выпрямился.

– Организация «Манолта», Москва. Мы занимаемся разработкой нейросетей нового поколения. Наш куратор отдела ищет таланты, а не бумажки из университетов. Мы прислали вам билет на скоростной экспресс. Собеседование завтра в десять. Вы приедете?

Григорий посмотрел на свой ноутбук. На нем мигал индикатор расшифровки нового файла из папки Hidden_Files, который он мучил последние три дня.

– Да, – ответил он. – Я буду.

Москва 2040 года встретила Григория не хлебом-солью, а колоссальным давлением высоток, уходящих за пределы вечного смога. Если Смоленск был гниющим трупом старого мира, то столица была сияющим киборгом. Здесь по выделенным полосам бесшумно скользили беспилотные электрокары, а в небе, словно стаи механических птиц, сноваляли дроны-доставщики. Но под этой лакированной поверхностью скрывалась всё та же несправедливость: элиты в башнях из «умного стекла» владели всем, а миллионы «серых» внизу обеспечивали их комфорт.

Офис компании «Манолта» располагался в башне «Прометей» – 110-этажном монолите из стали и графена. Григорий, в своей поношенной куртке и со старым рюкзаком, в котором лежал его верный «Татбук», выглядел здесь как пришелец из палеолита. На ресепшене его сканировали трижды – на оружие, на вирусы в гаджетах и на лояльность по мимике лица.

– Проходите, господин Граф. Куратор Соколов ждет вас в «красном секторе», – безучастно произнесла голограмма девушки-секретаря.

Куратор Соколов оказался человеком вне возраста. Седые волосы, собранные в аккуратный хвост, и живые, цепкие глаза, которые, казалось, видели структуру кода в каждом движении собеседника. Его кабинет был лишен мебели – только парящие в воздухе сенсорные панели и терминал нейролин-

ка.

– Садись, Григорий, – Соколов указал на кресло, возникшее из пола по щелчку пальцев. – Давай сразу к делу. Я видел твой «почерк». Ты не используешь стандартные библиотеки. Ты пишешь на низком уровне, обращаясь напрямую к регистрам процессора. Так сейчас не делают. Это слишком сложно, слишком... по-человечески. Зачем?

– Потому что библиотеки – это костыли, – тихо ответил Григорий, доставая свой ноутбук. – Они создают лишний шум. Если вы хотите, чтобы система была идеальной, вы должны чувствовать каждый такт процессора. Вы должны быть частью железа.

Соколов усмехнулся.

– Смелое заявление. Давай проверим. Перед тобой терминал. В нашей новой нейросети «Афина» возник баг в слое этического анализа. Она начала предлагать уничтожение целых социальных групп для оптимизации бюджета. Наши лучшие архитекторы не могут найти корень. У тебя десять минут.

Григорий не стал подключаться к терминалу через предложенный разъем. Он открыл свой ноутбук, вытащил самодельный кабель с медной обмоткой и подключился к порту напрямую. В кабинете воцарилась тишина, прерываемая лишь бешеным стрекотом клавиш.

Для Соколова действия Григория выглядели как безумие. Парень не листал логи. Он запустил визуализатор потоков

данных и начал буквально «вырезать» лишние фрагменты. Григорий видел код не как текст, а как живую нейронную сеть, где каждый узел пульсировал светом. Он обнаружил «мусорную» вставку – скрытый цикл, который кто-то из разработчиков оставил в качестве бэкдора. Баг был не ошибкой, а намеренным саботажем.

– Готово, – сказал Григорий через семь минут. – Бэкдор удален. «Афина» теперь видит не сухие цифры, а контекст.

Соколов подошел к панели. Его брови взлетели вверх.

– Ты не просто исправил ошибку. Ты переписал алгоритм весов так, что скорость обработки выросла на 12%. Без высшего образования... Григорий, ты либо гений, либо самая опасная аномалия, которую я встречал. Ты принят.

Работа в «Манолте» стала для Григория одновременно триумфом и проклятием. Он получил доступ к вычислительным мощностям, о которых в Смоленске не мог и мечтать. Он писал коды для приложений, которые управляли городской логистикой, работал с протоколами безопасности банковских систем. Он был идеальным сотрудником: не ходил на перекуры, не участвовал в офисных сплетнях. Его коллеги-программисты, выпускники престижных вузов, сначала подшучивали над его «смоленским говором» и старым ноутбуком, но вскоре замолкли. Эникей решал за час задачи, над которыми они бились неделями.

Но Москва начала забирать у него нечто важное. Его личная жизнь с Асей, которая к тому времени тоже обоснова-

лась в столице, трещала по швам.

Они жили в крохотной студии в «спальном кольце». Ася работала в лаборатории биомедицины и горела своими идеями, но Григорий... он всё больше уходил в виртуальность. Каждую ночь, возвращаясь из «Манолты», он садился за свой старый ноутбук. Он продолжал изучать те самые файлы, найденные в детстве, и теперь, с мощностями корпорации, он начал понимать их истинное значение.

– Гриша, мы не разговаривали три дня, – Ася стояла в дверях комнаты, её глаза были полны слез. – Ты приходишь, ешь и снова утыкаешься в экран. Ты даже не заметил, что я сменила прическу. Ты здесь, но тебя нет.

– Ася, я на пороге открытия, – не оборачиваясь, ответил он. Его пальцы летали по клавиатуре. – Я нашел закономерность в хакерских файлах. Мир защищен не кодом, а иллюзией. Если я смогу расшифровать последний сектор...

– Мне плевать на твой сектор! – закричала она. – Я хочу живого человека рядом! Ты стал похож на своего отца – такой же зацикленный, только вместо водки у тебя эти проклятые цифры. Я ухожу.

Григорий замер. Его рука зависла над клавишей «Enter». Он хотел обернуться, обнять её, сказать, что всё это ради них, ради их будущего без нищеты... но внутри него что-то щелкнуло. Холодная логика подсказала: эмоции – это тоже шум. Ася была помехой в его стремлении к истине.

– Хорошо, – тихо сказал он, так и не обернувшись.

Дверь хлопнула. В комнате воцарилась идеальная, стерильная тишина. Григорий почувствовал укол боли, но тут же подавил его, углубившись в анализ очередной базы данных.

Спустя неделю его настигла еще одна неудача. В «Манолте» сменилось высшее руководство. Соколова, его покровителя, «ушли» на пенсию, а на его место пришел эффективный менеджер из министерства. Весь отдел Соколова был расформирован за один день.

– Слушай, Граф, – сказал ему новый начальник, потирая пухлые руки. – Нам не нужны «самородки». Нам нужна системность и дипломы. Твои методы слишком рискованны. Ты уволен.

Григорий вышел из башни «Прометей» с тем же рюкзаком, с которым пришел. У него не было ни работы, ни девушки, ни дома – аренду квартиры в Москве он больше не мог себе позволить.

Он сидел на скамейке в парке «Зарядье», глядя на закат над Кремлем. Тоска была такой плотной, что её можно было потрогать руками. От безысходности и желания хоть как-то заявить о себе, Григорий открыл ноутбук. Он решил сделать то, чего боялся раньше.

Он нацелился на Архив-9 – секретное хранилище данных Службы Глобальной Безопасности. Это было самоубийство, но ему было уже всё равно.

Проникновение заняло три часа. Он обходил квантовые

фаерволы, используя свои уникальные наработки «низкого уровня». И там, в самом сердце системы, он увидел его.

Это был странный код. Он не был похож на бинарный. Это была последовательность, состоящая только из 0 и 1, но организованная в такие сложные фрактальные структуры, что Григорий почувствовал головокружение. Код пульсировал. Он жил.

Вдруг на экране появилось предупреждение: «Обнаружено физическое извлечение носителя». Кто-то в секретном бункере в этот момент просто вытащил накопитель из гнезда. Код начал исчезать. У Григория было всего 50 секунд. Он запустил захват пакетов, выжимая из своего «Татбука» невозможную скорость.

40 секунд... 30... 20...

На 50-й секунде связь оборвалась. Экран ноутбука стал черным. Григорий сидел, тяжело дыша. Он успел захватить лишь фрагмент. Крошечный кусок кода, который не подходил ни к одной известной системе на планете. Он был чужеродным. Он был... совершенным.

Все следующие вечера Григорий тратил на его расшифровку. Он жил в дешевых хостелах, питался суррогатами, но не мог оторваться от монитора. Он пытался подобрать ключи, прогонял код через нейросети, но результат был нулевым. Код молчал.

Однажды, когда он сидел в фуд-корте торгового центра, используя бесплатный Wi-Fi, ему пришло сообщение от быв-

шего коллеги из «Манолты».

«Эникей, ты жив? Тут такое дело... Объявлен «World Root 2040» – мировой турнир по хакерству. Приз – 100 миллионов евро и кресло начальника безопасности в корпорации «Global Net». Номинально это конкурс, но мы-то знаем, что это битва за власть. Ты должен записаться. С твоими скиллами ты их всех порвешь».

Григорий сначала хотел удалить сообщение. Его не интересовали турниры. Но потом он посмотрел на фрагмент кода из Архива-9. Для расшифровки ему нужны были колоссальные мощности. Мощности, которые предоставляли участникам турнира на серверах чемпионата.

Он нажал кнопку «Зарегистрироваться». Его имя – Анукеу – появилось в списке участников под номером 1024.

Григорий снял крошечную комнату в промышленной зоне на окраине Москвы, в районе Капотни. Окно выходило на факелы нефтеперерабатывающего завода, которые круглосуточно окрашивали небо в тревожный оранжевый цвет. Это было идеальное место для человека, который решил исчезнуть из поля зрения корпоративных сканеров. Здесь никто не спрашивал документы, а запах гари перебивал озон от работающих на износ микросхем.

Для того чтобы расшифровать фрагмент кода из Архива-9, Григорию требовалась вычислительная мощность, сопоставимая с кластером среднего дата-центра. Денег на аренду облачных мощностей у него не было, а использовать

ресурсы «Манолты» после увольнения было равносильно явке с повинной. Григорий вернулся к тому, с чего начинал в Смоленске, – к свалке.

Днем он обходил рынки старой электроники и пункты утилизации. Он искал не новые блестящие гаджеты, а «старое золото» – графические процессоры десятилетней давности, серверные материнские платы списанных банковских узлов и блоки питания, которые весили по пять килограммов.

Через две недели его комната превратилась в технологический кошмар. Повсюду змеились кабели, обмотанные изолентой. На полу, на деревянных поддонах, стояла его гордость – «Франкенштейн». Семьдесят два видеопроцессора, соединенные в единую сеть самодельными шинами данных. Охлаждалась эта конструкция промышленными вентиляторами, которые Григорий украл из заброшенного цеха. Гул в комнате стоял такой, что приходилось надевать строительные наушники.

– Ну давай, родной, – шептал он, запуская первую итерацию bruteforce-анализа. – Покажи мне, что ты прячешь.

Код из Архива-9 вел себя необъяснимо. Это не был классический софт. При попытке анализа он начинал менять собственную структуру, мимикрируя под системные процессы самого «Франкенштейна». Григорий понял, что имеет дело с «живым» алгоритмом, который реагирует на попытки его изучить. Чтобы не дать коду «сбежать» или уничтожить же-

лезо, Гриша написал уникальную оболочку-песочницу, которую он назвал «Клетка».

Пока «Франкенштейн» был и плевался жаром, пытаясь разгрызть ядро кода, Григорий вступил в первую фазу турнира «World Root 2040».

Турнир проходил полностью в виртуальном пространстве. 32 этапа отсева. Первый тур – «Кровавая баня». Тысячи претендентов должны были за 15 минут взломать эмулированную систему безопасности атомной станции и перехватить управление стержнями охлаждения.

Григорий вошел в систему под ником Anykey. Он не стал использовать стандартные эксплойты, которые участники скачивали с хакерских форумов. Он действовал как хирург. Пока другие заваливали систему мусорным трафиком, пытаясь вызвать отказ в обслуживании, Гриша нашел уязвимость в протоколе связи между датчиками температуры. Он ввел всего три строки кода.

Через три минуты экран его монитора вспыхнул зеленым. Anykey: Этап пройден. Время: 03:12. Текущий рейтинг: 4.

В то же время на другом конце земного шара, в пентхаусе в Сингапуре, молодой человек по имени Лиам отшвырнул от себя нейрошлем. На его экране горело: Liam: Этап пройден. Время: 02:45. Текущий рейтинг: 1.

Лиам был антиподом Григория. Сын медиамагната, получивший лучшее образование в Оксфорде, он воспринимал хакерство как экстремальный спорт. Для него не существо-

вало морали – только азарт и доминирование. Он прославился тем, что ради шутки взломал сеть крупнейшей игровой компании и стер прогресс у десяти миллионов игроков, просто потому что ему не понравился финал их новой игры. Лиам продавал уязвимости правительственным структурам и террористам с одинаковой улыбкой, если цена была достаточно высокой.

– Anykey? – Лиам прищурился, глядя на таблицу лидеров. – Какой-то выскочка из русского сегмента. Посмотрим, как ты запоешь, когда дело дойдет до реальной стрельбы.

Турнир набирал обороты. Григорий проводил за монитором по двадцать часов в сутки. Его работа в «Манолте» казалась теперь детским садом. Здесь, на «World Root», против него играли лучшие умы планеты. Коллеги по цеху пытались выйти с ним на связь, звали в закрытые чаты, приглашали на «корпоративы» хакерских группировок в скрытых барах Москвы. Григорий отказывал всем. Он был волком-одиночкой. Тишина была его лучшим союзником.

– Гриша, ты хоть ешь? – сообщение от Аси всплыло в углу экрана. Она всё еще писала ему, несмотря на разрыв. – Я видела новости про турнир. Это опасно. За тобой могут прийти.

Григорий удалил сообщение, не прочитав до конца. Боль в груди была сильнее голода, но он заталкивал её поглубже, в те же секторы памяти, где хранились воспоминания о бедном детстве.

На исходе второй недели турнира, когда в игре осталось всего 64 участника, «Франкенштейн» в углу комнаты издал странный звук, похожий на человеческий вздох. Промышленный вентилятор заклинило, и комната мгновенно наполнилась едким дымом горячей обмотки.

Григорий бросился к установке, сбивая пламя старым одеялом. Он судорожно кликал по клавишам управления, пытаясь спасти результаты вычислений.

– Пожалуйста, только не сейчас... – шептал он.

На экране монитора, среди каскада ошибок и системных дампов, появилось одно чистое окно. В нем не было цифр. Там была визуализация расшифрованной части кода. Она выглядела как трехмерная модель нейрона, но вместо аксонов из центра исходили слова на неизвестном языке, которые тут же переводились его домашней нейронкой.

«УРОВЕНЬ ДОСТУПА: ПЕРВИЧНЫЙ ЭЛЕМЕНТ. СТАТУС: ОЖИДАНИЕ КОМАНДЫ»

Григорий замер. Его нейронка, обученная на текстах мировой литературы и научных трудов, выдала интерпретацию: этот код был не для компьютеров. Он был предназначен для изменения параметров информационной среды на физическом уровне.

В этот момент на телефон пришло уведомление: «Внимание, Anykey. Следующий этап турнира – схватка один на один. Ваш противник: Liam. Время начала: через 60 минут».

Григорий посмотрел на дымящийся оловянный «Франкен-

штейна», затем на фрагмент расшифрованного кода, который пульсировал на экране, словно живое сердце. Он понял, что турнир – это не просто соревнование за деньги. Это был масштабный тест. И тот, кто стоит за «World Root», хотел увидеть, в чьих руках окажется это оружие.

Он вытер сажу с лица, поправил наушники и ввел команду активации «Клетки». Его битва с Лиамом должна была стать началом конца того мира, который он так ненавидел.

Гул в комнате сменился зловещим треском статического электричества. Григорий сидел в центре своего технологического капища, чувствуя, как от «Франкенштейна» исходит жар, сравнимый с открытой духовкой. Едкий запах паленого текстолита вьелся в кожу, но Гриша не обращал на это внимания. Его взгляд был прикован к таймеру.

00:59... 00:58...

Битва с Лиамом была не просто очередным раундом. На этом этапе турнир перестал быть симуляцией. Участникам выдали реальную цель: серверную ферму заброшенного исследовательского центра в Гренландии, которая была превращена в «цифровую крепость». Задача – захватить ядро системы и удержать его в течение пяти минут, отражая атаки противника.

Григорий вошел в терминал. Его пальцы, длинные и тонкие, зависли над клавишами. Он чувствовал Лиам. Тот зашел в сеть шумно, как тяжелый штурмовик. Лиама использовал дорогую, промышленную ферму – Григорий видел по

скорости отклика пакетов, что против него играет мощь, купленная за миллионы долларов.

– Ну что, Эникей, – голос Лиам ворвался в закрытый канал связи. – Слышал, ты собираешь компьютеры на помойках? Сейчас я проверю, как твое ведро с болтами выдержит атаку пятого уровня. Надеюсь, ты успел застраховать свою халупу, потому что сейчас там будет очень жарко.

Григорий не ответил. Он запустил «Тень». Его домашняя нейронка, подпитанная расшифрованным фрагментом кода, начала рисовать на экране не графики, а потоки. Код из Архива-9 давал ему преимущество, которое он сам еще до конца не осознавал: он видел структуру сети не как дерево папок, а как топологическую карту высот.

Лиам ударил первым. Это был «Молот» – brutальная атака на переполнение буфера, усиленная нейросетевым переборщиком. Экран Григория залило красным. «Франкенштейн» завыл, блоки питания начали свистеть на ультразвуке.

– Это всё? – прошептал Гриша.

Он активировал расшифрованный модуль. Это не было защитой в привычном смысле. Модуль просто... изменил логику порта. Для системы Лиам порт Григория перестал существовать в трехмерном пространстве сети. Пакеты Лиам уходили в пустоту, не находя цели.

– Какого черта?! – голос Лиам дрогнул. – Куда ты делся? Я не вижу твоего IP!

Григорий нанес ответный удар. Но он не стал атаковать Лиам. Он атаковал саму систему крепости. Пока Лиам пытался найти «исчезнувшего» противника, Григорий ввел последовательность, которую подсказал ему код.

0110 [ПЕРЕХОД] 1001 [ТИШИНА].

В ту же секунду ядро системы в Гренландии признало Григория своим создателем. Без взлома. Без подбора пароля. Система просто «узнала» его.

Аnykey: Контроль над ядром установлен. Отсчет: 05:00...

Лиам взбесился. Он начал бросать в бой всё, что у него было: каскадные вирусы, логические бомбы, попытки вызвать физический перегрев серверов противника. Комната Григория наполнилась искрами. Один из блоков питания «Франкенштейна» взорвался, выбросив сноп синего пламени. Григорий даже не вздрогнул. Он просто переключил нагрузку на резервную линию, которую заранее собрал из старых аккумуляторов от электросамокатов.

– Ты не человек, Эникей, – прохрипел Лиам. – Никто не может так быстро перестраивать архитектуру на лету. Что у тебя за софт? Отдай его мне, и я выкуплю твою жизнь у организаторов!

– Мир не продается, Лиам, – впервые ответил Григорий. – Он просто ждет того, кто умеет читать его инструкции.

На последней минуте Лиам совершил роковую ошибку. В попытке деанонимизировать Григория, он попытался проследить обратный путь сигнала, используя запрещенный

протокол «Стекляшка». Это открыло его собственные шлюзы. Григорий не стал его уничтожать. Он просто зашел в систему Лиам и на пять секунд включил его веб-камеру.

На мониторе Григория появилось лицо противника: холерное, красивое, но сейчас искаженное гримасой первобытного ужаса. За спиной Лиам виднелись роскошные интерьеры пентхауса и ряды стерильно белых серверных стоек.

– Красиво живешь, – сказал Григорий. – Но твоя крепость сделана из песка.

Победа: Anykey. Лиам выбывает из текущего раунда.

Турнир взорвался заголовками. «Нищий гений против золотого мальчика», «Anykey – новая угроза цифровому миру». Организаторы турнира, скрытые за масками анонимности, начали проявлять к Григорию повышенный интерес. Ему стали приходить зашифрованные предложения о «сотрудничестве» от спецслужб пяти стран.

Но Григория это не волновало. После битвы с Лиамом «Франкенштейн» окончательно сгорел. Григорий сидел в темноте, глядя на дымящиеся останки своего компьютера. В руках он держал единственный уцелевший жесткий диск, на котором была записана «Тень» с интегрированным кодом.

Его уволили с работы месяц назад, он не платил за жилье, у него не было друзей. Но в его руках был ключ к миру, который его отверг.

Расшифровка продолжалась. Григорий понял, что для следующего шага ему не нужно больше железа. Ему нужна

была сама сеть. Код подсказал ему решение: зачем строить суперкомпьютер, если можно превратить в него миллионы чужих устройств?

Он начал собирать «мусор» по-новому. Он не искал старые видеокарты. Он искал уязвимости в дешевых «умных» лампочках, микроволновках и роутерах, которыми был забит город. За неделю он создал скрытую бот-сеть из миллиона домашних приборов. Этот распределенный мозг начал переваривать вторую часть кода из Архива-9.

И в одну из ночей, когда над Капотней шел черный дождь, код заговорил с ним по-настоящему.

На экране ноутбука, единственного работающего устройства, появилось сообщение: «ЧАСТЬ 2: МАНИПУЛЯЦИЯ ВЕРОЯТНОСТЬЮ. ВВЕДИТЕ ПАРАМЕТР».

Григорий ввел слово «ДОЖДЬ».

На следующее утро в Калифорнии, где находились серверы Лиамы, начался шторм, который уничтожил систему охлаждения пентхауса..

После победы над Лиамом Капотня показалась Григорию слишком тесной. Электрическое поле в его комнате стало настолько плотным, что волосы на руках вставали дыбом, а в воздухе постоянно пахло озоном и жженой пластмассой. «Франкенштейн» был мертв, но его смерть породила нечто более совершенное. Григорий создал «Облако Теней» – децентрализованную вычислительную сеть, паразитирующую на миллионах бытовых приборов по всему миру. Каждая

умная кофеварка в Берлине, каждый контроллер трафика в Шанхае и каждая игровая приставка в пригороде Сиднея теперь отдавали крошечную часть своей мощности на расшифровку кода из Архива-9.

Григорий сидел на полу, прислонившись спиной к холодной стене. Перед ним на низком табурете стоял тот самый старый ноутбук – единственный уцелевший свидетель его пути. На экране медленно разворачивалась вторая часть кода. Теперь это были не просто фракталы, а динамические модели, описывающие вероятностные цепочки событий.

– Ты не просто программа, – шептал Григорий, глядя на мерцание строк. – Ты – операционная система для самой причинно-следственной связи.

Код «Манипуляция вероятностью» работал пугающе просто. Он находил в реальности «точки бифуркации» – моменты, когда ничтожное изменение (например, скачок напряжения в одном транзисторе) могло привести к масштабной катастрофе или невероятной удаче. Григорий был воспитан добрым, но годы несправедливости выжгли в нем сострадание к системе. Он нажал на клавишу, запуская тестовый скрипт «Справедливость_0.1».

В это же время в Смоленске его отец, Виктор, стоял у проходной завода. Его уволили без выходного пособия за «профнепригодность» – артрит мешал работать с той скоростью, которую требовали новые владельцы. Виктор шел к остановке, сжимая в кармане последние копейки, когда пря-

мо под его ноги из старого, проржавевшего банкомата начали сыпаться купюры. Банкомат не просто выдал ошибку – он вошел в бесконечный цикл выдачи наличности, игнорируя все протоколы связи с банком. Это была «шалость» Григория, реализованная через пятьдесят тысяч умных лампочек в окрестных домах, которые синхронно создали электромагнитный импульс нужной частоты.

Но Григорий знал: это лишь крохи. Турнир «World Root 2040» входил в решающую фазу. Из тысячи участников осталось лишь шестнадцать. И среди них снова был Лиам.

Лиам не выбыл окончательно. Благодаря связям своего отца и огромному залогу, он купил себе право на «Wild Card» – черную карту участника, которая позволяла вернуться в игру через утешительный раунд. Но теперь это был другой Лиам. Его холеное лицо на видеоконференциях выглядело осунувшимся, а в глазах горела жажда мести, граничащая с безумием.

– Ты думаешь, ты выиграл раунд, Эникей? – Лиам прислал зашифрованное сообщение прямо в консоль Григория. – Ты просто показал мне, что у тебя есть нечто ценное. Организаторы турнира – не просто хакеры. Это консорциум, который ищет «код бога». И они знают, что он у тебя. Теперь ты не игрок, ты – дичь.

Григорий проигнорировал угрозу. Его разум был занят другим. Он заметил, что расшифровка второй части кода начала влиять на его собственное состояние. Он перестал чув-

ствовать голод и холод. Его мозг работал на частотах, которые не фиксировали обычные медицинские приборы. Он видел мир как каскад данных: он знал, когда зазвонит телефон у соседа за стеной, и знал, что через три минуты на улице произойдет мелкая авария из-за неисправного датчика в беспилотном такси.

Финал турнира был назначен на 20 августа. Местом действия стала «Пустота» – изолированный сегмент глобальной сети, созданный специально для чемпионата. Приз в 100 миллионов евро и должность главы ИБ в крупнейшей корпорации мира казались Григорию смешными. Он понимал, что тот, кто владеет полным кодом из Архива-9, сможет сам печатать любые деньги и назначать любых президентов.

Однако для полной расшифровки ему не хватало последней части. И она была запрятана в финальном сервере турнира. Организаторы использовали фрагмент того же кода для защиты своих систем. Это был идеальный план: заставить лучшего хакера планеты взломать защиту, чтобы он сам соединил все части пазла.

– Они хотят, чтобы я это сделал, – осознал Григорий. – Они создали этот турнир как среду для выращивания вируса.

Его работа в «Манолте» и идеальное прошлое сотрудника были забыты. Теперь он был целью номер один для всех спецслужб. Москва гудела: по телевизору крутили сюжеты о «цифровом террористе», который обваливает банковские системы и устраивает странные аномалии. Его лицо – старое

фото из личного дела – было на каждом экране.

– Пора уходить, – сказал Григорий пустоте комнаты.

Он не стал собирать вещи. Он взял только ноутбук и диск с «Тенью». Выйдя из дома в Капотне, он увидел патрульный дрон, который медленно снижался, сканируя прохожих. Григорий даже не замедлил шаг. Он ввел на смартфоне короткую команду. Дрон внезапно «забыл», как летать, и рухнул в лужу, разлетаясь на куски пластика.

Григорий направился к вокзалу. Ему нужно было вернуться туда, где всё началось – в Смоленск. Там, в лесах и заброшенных бункерах времен холодной войны, у него были припрятаны старые антенны и автономные генераторы. Ему нужно было место, где он сможет принять финальный бой, не подставляя под удар невинных людей.

В поезде он открыл ноутбук. Лиам снова вышел на связь. – Мы в финале, Эникей. 32 этапа пройдены. Нас осталось двое. Весь мир будет смотреть, как я стираю тебя в порошок. Но я дам тебе совет: посмотри на свои логи. Ты уверен, что расшифровываешь код, а не позволяешь ему расшифровывать тебя?

Григорий посмотрел на свои руки. На кончиках пальцев он видел едва заметное голубоватое свечение – статический заряд был настолько велик, что кожа искрила при прикосновении к металлу. Его мозг начал синхронизироваться с процессором ноутбука.

– Я и есть код, Лиам, – прошептал он, и в этот момент во

всем вагоне поезда погас свет.

Поезд мчался сквозь ночную мглу к Смоленску. Григорий Граф возвращался домой не проигравшим неудачником, а человеком, который держал на ладони судьбу всей планеты. Финал «World Root 2040» начинался через 24 часа. И этот финал обещал стать последним днем старого мира.

Смоленск встретил Григория удушливым запахом угольной гари и липким туманом, который в 2040-м году больше напоминал химическую взвесь, чем природное явление. Он не пошел к родителям. Григорий понимал: после его исчезновения из «Манолты» и триумфального прохождения в финал турнира, муниципальные службы контроля уже превратили их квартиру в «медовую ловушку». Каждый байт трафика в радиусе километра от их дома теперь просеивался через правительственные фильтры.

Его целью был объект «Зенит» – заброшенный узел связи Министерства обороны, скрытый в лесополосе за промышленной зоной. Григорий знал об этом месте с детства, когда они с мальчишками лазали по бетонным остовам антенных полей. Тогда он не догадывался, что под слоем ржавой арматуры скрывается трехъярусный бункер с автономным питанием.

Проникновение внутрь заняло два часа. Тяжелую гермодверь заклинило от десятилетий сырости. Григорию пришлось использовать гидравлический домкрат, который он предусмотрительно прихватил из гаража знакомого автомо-

ханика в обмен на удаление штрафов из базы ГИБДД. Скрежет металла о бетон эхом разнесся по пустому лесу, но Григорий знал: здесь его никто не услышит.

Внутри пахло старым озоном и гнилой изоляцией. Фонарик на смартфоне выхватывал из темноты ряды пустых стоек и груды технического мусора. В машинном зале он обнаружил два резервных дизель-генератора «ДГ-50». Топливо в баках за годы превратилось в густую взвесь, но Григорий был сыном своего отца – рабочего с фабрики. Он нашел в кладовой герметичные канистры с консервирующей присадкой и несколько литров чистого керосина.

Следующие три часа Григорий провел по локоть в мазуте. Он вручную перебирал топливный насос, очищая форсунки старой зубной щеткой и спиртом. Когда он наконец дернул пусковой трос вспомогательного пускателя, генератор чихнул, выбросил облако сизого дыма и, натужно завыв, заставил лампы под потолком вспыхнуть тусклым желтым светом. Бункер ожил.

Теперь – главное. Григорию нужен был способ прямого сопряжения мозга с ноутбуком. Клавиатура была слишком медленной для того ада, который ждал его в финале. Из медицинского набора бункера он извлек старый электроэнцефалограф. Григорий разобрал его, оставив только датчики-электроды. Он аккуратно припаял их к шине данных своего «Татбука», используя в качестве припоя кусок оловянной проволоки, разогретой на свече – паяльника под рукой

не оказалось.

Чтобы усилить сигнал, он разобрал свой смартфон и вытащил из него сигнальный процессор, встроив его в цепь как усилитель. Это было уродливое, опасное устройство, которое крепилось к вискам липкой лентой. Григорий назвал его «Терновый венец». При каждом импульсе данных виски пронзала острая боль, но зато скорость ввода информации теперь ограничивалась лишь быстродействием его нейронов.

До финала «World Root 2040» оставалось тридцать минут.

Григорий подключил ноутбук к массиву старых медных кабелей, которые всё еще тянулись к полузабытым радиомачтам на поверхности. Он активировал «Облако Теней», которое за эти дни выросло до невообразимых масштабов. Миллионы умных устройств по всей планете – от холодильников в Париже до банкоматов в Пекине – теперь были его распределенным мозгом.

00:05... 00:04... 00:01... СТАРТ.

Финальный этап «Сингулярность» начался. Задачей был взлом центрального узла «Econet». Григорий закрыл глаза, и через свой самодельный интерфейс мир превратился в потоки неоновых света. Он не видел кода, он чувствовал его как вибрацию.

Лиам в Швейцарии ударил по «Econet» всей мощью квантовых вычислений, пытаясь проломить защиту грубой силой. Григорий же, используя вторую часть кода – «Манипуляция вероятностью», – начал искать в системе микроскопи-

ческие ошибки в синхронизации сигналов между серверами. Он не ломал дверь, он убеждал систему, что она сама хочет открыться.

В бункере стало невыносимо жарко. Старая проводка дымилась. Изоляция на кабелях, которые Григорий тянул от генератора, начала плавиться, наполняя помещение ядовитым дымом. Григорий чувствовал, как «Терновый венец» на висках буквально жарит его кожу, но он не мог прервать соединение. Кровь закипала в жилах, когда очередной пакет данных проносился через его сознание.

– Ты хочешь власти, Лиам? – голос Григория, искаженный цифровыми фильтрами, зазвучал в наушниках соперника. – Но ты борешься с цифрой. А я управляю реальностью.

Григорий ввел в командную строку разума расшифрованную последовательность. В ту же секунду ядро «Econet» перестало сопротивляться. Финальный блок данных из Архива-9 – «Синхронизация Реальности» – начал загружаться в его ноутбук.

В этот момент во всем мире на 50 секунд погас свет. Все электронные часы на планете замерли. Григорий почувствовал, как три части кода соединяются в его голове в единую симфонию. На экране «Татбука» всплыло сообщение, от которого у Григория перехватило дыхание:

**СТАТУС: ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ROOT ПОДТВЕРЖДЕН.
ДОСТУП К ГЛОБАЛЬНЫМ КОНСТАНТАМ ОТКРЫТ.**

Григорий сорвал с висков электроды, вместе с кожей. Он

тяжело дышал, глядя на то, как на экране его ноутбука разворачиваются возможности, о которых не смели мечтать правители древности. Он видел траекторию каждого спутника, баланс каждого счета, мысли каждого человека, выраженные в их поисковых запросах.

Он победил. Но, глядя на это всемогущество, Григорий почувствовал не радость, а леденящий ужас. Он действительно стал Богом в мире машин. И первое, что он сделал – отправил сообщение организаторам: «Отдайте приз Лиаму. Ему нужно признание. Мне же нужно кое-что поважнее».

Григорий провел в бункере еще двое суток после финала. Он не мог заставить себя выйти на поверхность, пока не убедился, что «Синхронизация Реальности» надежно заперта внутри его модифицированного жесткого диска. Тело ныло: ожоги на висках от самодельного интерфейса покрылись сухой коркой, а пальцы сводило судорогой от бесконечного ввода команд. Благо водопровод хоть и слабо, но работал. А про питание он даже не думал.

Он открыл консоль администрирования «Econet». Турнир официально завершился, мир гудел от новости о таинственном победителе, который отказался от ста миллионов евро, но Григорий видел то, чего не видели новостные ленты. Он видел «бэкдоры» – скрытые пути, которые открылись ему после слияния трех частей кода. Теперь он мог зайти в любую банковскую ячейку, в любой закрытый правительственный чат, просто введя короткую последовательность симво-

лов, имитирующую системный сбой.

Григорий решил проверить теорию «малых возмущений». Он нашел в системе «Econet» счета трех крупнейших холдингов, занимавшихся скупкой жилья в Смоленске и выселением должников.

– Посмотрим, как вы справитесь с арифметической ошибкой, – прошептал он.

Он не стал воровать деньги. Он просто изменил статус задолженностей для десяти тысяч семей на «Оплачено полностью» и заблокировал возможность редактирования этих записей на уровне физических секторов банковских серверов. Для системы эти деньги просто перестали существовать как долг, превратившись в цифровой шум.

Используя свои первые доступы к банковским счетам корпораций, Григорий анонимно оплатил отцу экспериментальный курс лечения и перевел его на удаленную работу в фиктивную фирму. Родители думали, что это просто везение, не зная, что за их жизни сражается Гриша.

В это время его смартфон, подключенный к автономной антенне бункера, разразился каскадом уведомлений. Григорий открыл почту. Письмо от HR-отдела организации «Инж-ПромСтрой»: «В связи с вашим отсутствием на рабочем месте более трех рабочих дней и невозможностью установить связь, уведомляем об одностороннем расторжении трудового договора по статье 81 ТК РФ...»

Григорий безразлично смахнул уведомление. Это сообщение казалось ему артефактом из глубокого прошлого, как берестяная грамота. Он больше не был системным администратором. Он был системным архитектором этого мира.

На экране ноутбука внезапно всплыло окно расшифровки второй части кода. Нейронка «Тень» выдала пугающий прогноз: хаотичное использование фрагментов «Синхронизации» уже начало влиять на метеорологические параметры. В Калифорнии датчики зафиксировали необъяснимый скачок атмосферного давления – прямое следствие того электромагнитного импульса, который Григорий вызвал во время финала, чтобы подавить квантовый компьютер Лиама.

– Нужно больше мощности для стабилизации, – Григорий потер лицо грязными ладонями. – Если я продолжу работать отсюда, я просто выжгу этот бункер вместе с собой.

Ему нужно было место с естественным охлаждением и полной изоляцией от электромагнитного фона городов. Мысль о Северном полюсе возникла не как мечта, а как техническое решение. Там находились старые автоматические метеостанции НАТО и России, заброшенные после кризиса 2030-го. Григорий вошел в спутниковую сеть «StarLink-7». Его новые права доступа позволили ему перехватить управление тремя грузовыми дронами-тяжеловозами, которые в этот момент находились на базе в Норвегии.

С помощью нескольких команд он переписал их полетные задания. Теперь дроны направлялись не к нефтяным плат-

формам, а к его координатам в лесах под Смоленском. Григорию нужно было перевезти всё: генераторы, запасы процессоров, которые он успел скупить на черных рынках Москвы, и, конечно, свой старый «Татбук».

Он начал собирать оборудование. В углу бункера стоял старый сварочный аппарат. Григорий использовал его, чтобы соорудить защитный контейнер из свинцовых листов обшивки старых шкафов – он не хотел, чтобы при транспортировке излучение от жесткого диска было замечено военными радарными.

Вдруг экран ноутбука мигнул. Пришло сообщение через защищенный канал турнира. Liam: «Ты думаешь, ты спрятался? Я вижу, как дрожат сервера в Европе. Ты оставил след, Григорий. И этот след ведет в Смоленск. Я не один ищу тебя. Спецслужбы уже в пути».

Григорий замер. Он проверил внешние камеры бункера, которые он подключил к старой системе наблюдения объекта «Зенит». На границе лесополосы, в двух километрах от него, тепловые датчики зафиксировали три неопознанные цели. Они двигались быстро и слаженно.

– Пора валить, – Григорий захлопнул крышку ноутбука и начал затягивать ремни на защитном контейнере.

Гул приближающихся дронов уже был слышен над вершинами сосен. У него оставалось не более пяти минут до того, как его «гнездо» перестанет быть тайным.

Григорий действовал на автомате. Дроны-тяжеловозы,

огромные четырехвинтовые машины, зависли над поляной у вентиляционной шахты бункера. Их мощные прожекторы разрезали ночную мглу. Григорий закрепил магнитные захваты на своих контейнерах. Один из контейнеров содержал перебранный дизель-генератор и запас топлива, другой – серверные стойки и литиевые батареи.

– Давай, – скомандовал он через смартфон.

Дроны начали подъем. Григорий запрыгнул на подножку последнего аппарата, обвязав себя страховочным тросом. Ветер мгновенно обдал его ледяным дыханием, а шум винтов заглушил все звуки земли. Под ним проносились черные леса Смоленщины, а впереди, на севере, небо светилось холодным, призрачным светом.

Григорий открыл планшет. Код внутри него пульсировал, требуя новых команд. Он понимал, что Калифорния – это только начало. Изменяя вероятность событий в цифровом мире, он неизбежно ломал физический баланс планеты. Чтобы расшифровать вторую часть полностью и научиться исправлять эти ошибки, ему требовались тысячи процессоров, работающих в унисон в условиях вечной мерзлоты.

Через час полета он вошел в воздушное пространство нейтральных вод. Его дроны летели на сверхнизкой высоте, обгибая радары ПВО. Григорий смотрел на экран. «Вторая часть кода: Расшифровано 89%...»

В этот момент в Калифорнии начался шторм, который позже назовут «Цифровым гневом». Ветер сорвал крышу с

того самого дата-центра, где Лиам пытался отследить Григория.

Григорий видел это через камеру одного из выживших дронов в Лос-Анджелесе. Он понимал, что это его вина. Каждое его действие в сети теперь имело физический вес. Он больше не был просто Григорием Графом. Он был оператором новой, еще не изученной реальности. И его Цитадель на Северном полюсе должна была стать лабораторией, где он либо приручит эту силу, либо окончательно уничтожит старый мир.

Дроны опустились на поверхность ледяного плато в пятистах километрах от архипелага Шпицберген в три часа утра по местному времени. Здесь, в сердце Арктики, не было времени в привычном понимании – была лишь бесконечная, давящая полярная ночь и ветер, который выл на частотах, сводящих с ума. Григорий прыгнул на спрессованный, жесткий как бетон снег, и его легкие мгновенно обожгло ледяным бритвенным лезвием воздуха. Термометр на рукаве его куртки замер на отметке -46°C .

Его новой резиденцией стала заброшенная советская станция «Полюс-24». Это был памятник ушедшей эпохе: полузатопленные в снегу жилые модули и огромный, вросший в скалу ангар, который когда-то служил базой для атомных ледоколов и дизельных субмарин. Григорий выбрал это место не из романтических соображений – скальная порода острова содержала высокую концентрацию магнетита, созда-

вавшего естественный электромагнитный экран. Здесь, под слоем гранита и вечного льда, его сигнал был практически недостижим для глобальных систем слежения.

Первые часы превратились в изнурительную битву за выживание. Григорий не был атлетом, его тело, привыкшее к сидячей работе и скудному рациону, протестовало против каждой физической нагрузки. Ему пришлось использовать ручную лазерную горелку, снятую с одного из дронов, чтобы прорезать путь через главный шлюз ангара. Металл толщиной в ладонь поддавался неохотно, разбрасывая вокруг ослепительные снопы искр, которые мгновенно гасли в черном воздухе.

Внутри ангара царила могильная тишина. Огромное пространство было заполнено запахом старой смазки и ржавчины. Григорий затащил контейнеры внутрь, используя лебедки дронов. Его главной задачей было запустить «Сердце». Он нашел штатный фундамент для генераторов и начал установку своего дизельного агрегата «ДГ-50», который он привез из смоленского бункера.

Работа шла медленно. Каждый болт, каждая клемма требовали внимания обмороженных пальцев. Григорию пришлось соорудить систему теплообмена, используя медные трубки из системы охлаждения одного из дронов. Он проложил их вдоль серверных стоек, создав замкнутый контур, по которому должен был циркулировать антифриз, нагреваемый выхлопными газами генератора. Это было рискованное

решение: малейшая утечка могла привести к короткому замыканию, но в условиях Арктики тепло было единственным способом заставить электронику работать.

Когда Григорий в десятый раз дернул пусковой трос стартера, генератор отозвался надсадным кашлем. Из выхлопной трубы вылетело облако сизого дыма, и ангар наполнился тяжелым, ритмичным рокотом, который показался Григорию прекраснейшей музыкой в мире. Вдоль стен под потолком начали медленно разгораться старые натриевые лампы, заливая помещение тусклым, тревожным оранжевым светом.

– «Тень», статус системы, – прошептал Григорий. Его голос дрожал от холода и усталости.

В наушниках раздался сухой, очищенный от помех синтетический голос нейросети: – Энергоснабжение стабильно. Температура в контуре охлаждения серверов – плюс пять градусов. Начинаю загрузку первичных векторов кода.

Григорий опустил в кресло, которое он соорудил из сиденья старого тягача. Перед ним ожили двенадцать мониторов. Он начал развертывание «Зеркального Щита». Это был не просто фаервол, а самый сложный алгоритм подмены данных. Григорий перехватил управление ближайшим метеорологическим спутником НАТО и заставил его передавать на землю картинку девственно чистого ледяного поля именно в тех координатах, где сейчас гудел его генератор.

Теперь он был официально мертв для мира. Анукеу исчез с радаров, растворившись в белом шуме полюса.

Григорий провел следующие две недели в лихорадочном строительстве своей Цитадели. Он объединил тридцать графических станций в единый кластер, используя в качестве связующего звена фрагменты расшифрованного кода «Синхронизация Реальности». Теперь его серверная ферма не просто считала цифры – она резонировала с информационным слоем планеты, который Григорий начал называть нозферой.

С каждым днем Григорий чувствовал, как меняется его восприятие. Холод перестал быть врагом, он стал союзником, остужающим перегретые процессоры. Одиночество не давило – оно давало ясность. Сидя в полумраке ангара, освещенный лишь синим сиянием диодов, Григорий Граф начал чувствовать нити, которыми связаны судьбы стран, рынков и людей.

Он обнаружил, что третья часть кода позволяет ему не только наблюдать, но и «подправлять» реальность на атомарном уровне. Эксперименты начались с малого. Григорий сфокусировал вычислительную мощь на объекте в своем сознании – его старой алюминиевой кружке из Смоленска. Он помнил каждую зазубрину на её крае, вкус чая, который он из неё пил. Код в его голове начал выстраивать вероятностную цепочку. Воздух на столе перед ним внезапно сгустился, послышался сухой треск, похожий на щелчок статического разряда, и кружка материализовалась из ниоткуда. Она была ледяной, покрытой инеем, но абсолютно насто-

ящей.

– Синхронизация завершена, – прошептал он, касаясь пальцами холодного металла.

Григорий понял, что это открытие делает его опаснее любого ядерного арсенала. Он мог «вызывать» вещи из пустоты, пересобирая их из рассеянной в пространстве материи по цифровому шаблону. Но вместе с этой силой пришло и осознание чудовищной ответственности. Каждое такое «чудо» требовало колоссального выброса энергии и создавало микроскопические искажения в климате планеты.

Он посмотрел на монитор, где отображалась карта мира. Красные точки хаоса, которые он сам породил своими ранними экспериментами, всё ещё пульсировали в Калифорнии и Европе. Но теперь у него был план. Григорию больше не нужны были деньги или признание на хакерских турнирах. Ему нужна была стерильная, математически выверенная справедливость.

– Вы не справились с управлением своей жизнью, – сказал Григорий, обращаясь к невидимым миллиардам людей за стенами его ледяной крепости. – Теперь управлять буду я.

Он начал заходить в системы управления заводами в Сингапуре и Детройте. Ему нужны были «руки» в реальном мире, которые не будут знать усталости и сомнений. Его проект по созданию идеальных гуманоидов перешел в стадию активной реализации. Григорий перехватил управление автоматизированной линией сборки на заводе «RoboTech». Ис-

пользуя свои новые возможности, он начал вносить изменения в конструкцию стандартных сервисных роботов. Титановые скелеты, искусственные нейронные волокна, покрытые синтетической кожей, идентичной человеческой по плотности и температуре.

Каждый из этих тридцати роботов должен был стать его продолжением, его аватаром в верхушках власти. Григорий прописывал им биографии, стирал и создавал цифровые следы в архивах университетов и министерств.

Пока мир искал «цифрового террориста», Григорий строил новую иерархию. В его ангаре, среди льдов и тишины, рождался новый порядок. И только где-то на окраине его сознания мелькала мысль о Лии – той женщине-детективе из Питера, чей поисковый запрос он случайно перехватил через сеть «Эшелон». Она была единственной, кто искал не хакера, а Бога. И это заставляло Григория впервые за долгое время почувствовать нечто, похожее на страх.

Глава 2. Песочница

Жизнь в Цитадели быстро превратилась в монотонный цикл из гула серверов, ледяного конденсата на стенах и постоянного, грызущего чувства голода. Григорий понимал: любая попытка заказать еду через курьерские службы или подставные фирмы – это цифровой след, который Лиам или государственные ищейки рано или поздно вычислят. В 2040 году даже покупка банки тушенки оставляла за собой шлейф

из транзакций, логов логистических дронов и записей камер на складах.

Первые две недели Григорий питался аварийными рационами со склада заброшенной базы – спрессованными плитками высококалорийного суррогата, вкус которых напоминал мел, смешанный с машинным маслом. Но запасы были не вечны.

Решение пришло через расшифрованную часть кода «Синхронизация Реальности». Григорий обнаружил, что процесс материализации, который он испытал на кружке, можно масштабировать, но с пугающими оговорками. Он не создавал материю из ничего – он «переносил» её, используя квантовую запутанность. Чтобы на его столе появилась банка консервированных персиков, она должна была исчезнуть в другом месте.

Григорий выбрал в качестве «доноров» автоматизированные склады мегакорпораций в Южной Америке и Азии. Там, где пропажа одной упаковки из миллиона списывалась на логистическую погрешность или брак упаковки. Он настроил скрипт «Саранча»: система сканировала инвентарные списки складов в реальном времени, находила объекты, которые не прошли финальное сканирование перед погрузкой, и буквально выдергивала их из пространства.

Процесс материализации еды выглядел жутко. Воздух в центре ангара внезапно начинал вибрировать, издавая низкочастотный гул, от которого у Григория закладывало уши

и начиналась тошнота. Затем следовал резкий хлопок – звук схлопывающегося вакуума – и на обледенелый бетон падал продукт. Иногда это была пачка галет, иногда – замороженный брикет синтетического мяса. Еда часто была покрыта инеем или имела странный металлический привкус, но она позволяла Григорию жить, не вступая в контакт с внешним миром.

– Плата за вход, – шептал он, глотая безвкусную массу. Каждый такой перенос заставлял датчики давления в ангаре сходить с ума, а в небе над полюсом на мгновение вспыхивали аномальные разряды статического электричества.

В это время в Санкт-Петербурге детектив Лия заканчивала свою «карту безумия». Её квартира на Васильевском острове превратилась в штаб непризнанной войны. Лия была профессионалом в области криминалистического анализа данных, и то, что она видела, не давало ей спать.

Всё началось с точечных, почти хирургических катастроф. Сначала – шторм в Калифорнии, который ударил именно по тому району, где располагались основные узлы магистрального интернета. Затем – внезапный выброс метана на глубоководной ферме в Норвегии, который произошел в ту секунду, когда совет директоров решал вопрос о введении глобального налога на трафик.

Лия не верила в «гнев природы». Она видела закономерность там, где другие видели хаос. Она заметила, что за каж-

дой катастрофой следовала тонкая коррекция мировых рынков.

– Это не совпадения, – сказала она вслух, проводя линию между землетрясением в Турции и внезапным падением акций оборонного концерна в Германии. – Кто-то использует планету как рычаг. Кто-то очень умный и очень злой.

Она начала охоту за «цифровым эхом». Лия знала, что любое масштабное воздействие на реальность должно оставлять след в информационном поле. Она написала простую поисковую программу, которая искала не хакерские атаки, а статистические аномалии – места, где вероятность событий нарушала законы нормального распределения.

Спустя месяц поисков программа выдала результат. Все нити, все эти невероятные совпадения сходились в одной точке временной шкалы. В день финала турнира «World Root 2040». Именно тогда мир на 50 секунд погрузился во тьму, и именно тогда природа начала вести себя как сломанный механизм.

Лия начала копать под победителя турнира – Anykey. Но Anykey официально отказался от приза и исчез. Его данные были стерты из всех баз. Это и стало для неё главным доказательством. В 2040 году человек не может просто исчезнуть. Если его нет в сети – значит, он и есть сеть.

Её расследование привело к ЛайтВебу. Она нашла его через закрытые форумы «старой школы», где еще ценился ручной код, а не нейросетевые шаблоны. ЛайтВеб, он же Артем,

жил в подвале заброшенного завода на Обуховской обороне.

Подвал заброшенного завода на Обуховской обороне был идеальным местом для того, чтобы исчезнуть. Здесь, среди переплетения ржавых труб и вечной сырости, электромагнитный фон города затухал, создавая естественный «пузырь» тишины. Лия пробиралась сквозь лабиринт бетонных обломков, ориентируясь по едва заметному гулу мощных вентиляторов – звуку, который обычный человек принял бы за работу старой подстанции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.